

Тоичкина Александра Витальевна

Санкт-Петербургский государственный университет,
Россия, 199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7–9
a.toichkina@spbu.ru

Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг.

Для цитирования: Тоичкина А. В. Н. Н. Страхов, журнал *Заря* и творчество Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг. *Вестник Санкт-Петербургского университета. Язык и литература*. 2021, 18 (3): 479–497. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.304>

В статье исследуется значение работ Н. Н. Страхова и журнала «Заря» для творчества Ф. М. Достоевского конца 1860-х гг., в частности, для поэтики рассказа «Вечный муж». Так, анализируются известная рецензия Страхова на роман Л. Н. Толстого «Война и мир» и круг его сочинений по проблемам психологии (работы вошли в очерк Страхова «Об основных понятиях психологии», 1878). Работы Страхова по психологии у нас не переизданы и мало известны, как источник психологического реализма Достоевского они до сих пор не изучались. Контекст работ Страхова позволяет исследовать специфику развития творческого метода Достоевского, описать механизм создания образа «вечного мужа» в рассказе писателя (проблема «хищного» и «смирного» типов); рассмотреть особенности психологического реализма Достоевского сквозь призму научных разработок по психологии Страхова, до сих пор не актуализированных в достоевковедении. Анализ поэтики снов и проблемы воли в контексте объективно-идеалистического подхода Страхова позволяет проинтерпретировать их в соответствии с авторской модальностью творческой лаборатории писателя. Исследование выявило многоаспектный характер реализованного Достоевским в образе Трусоцкого типа «вечного мужа», в котором переработаны и сплавлены типологические черты рога носца, подпольного человека, мечтателя. Писатель художественно выводит героя на высоту таких образов национальной литературы, как Самсон Вырин и «Рыцарь бедный» Пушкина. Изображение пробуждения душевной жизни Вельчанинова создается Достоевским во многом с опорой на научные разработки в сфере психологии и физиологии его времени. Проведенное исследование позволяет на современном этапе восполнить лакуны, существующие в источниковедческой базе достоевковедения.

Ключевые слова: Н. Н. Страхов, Ф. М. Достоевский, *Вечный муж*, *Заря*, психология.

Сотрудничество Ф. М. Достоевского с журналом «Заря» (1869–1872), в редакции которого важное место принадлежало Н. Н. Страхову, в биографиях писателя рассматривается по большей части как некий проходной сюжет. В «Зарю» Достоевский, как известно, отдал всего одно свое произведение — рассказ «Вечный муж» (1869). Тем не менее номера этого издания Достоевский получал, внимательно читал, комментировал в письмах. И в рамках данной статьи представляется важным обозначить значение этого издания и работ Страхова второй половины 1860-х гг. для проблематики и поэтики рассказа Достоевского «Вечный муж». Произведение Достоевский писал в контексте первого года издания «Зари» и специально для это-

го журнала. В рамках данной статьи ставится задача рассмотреть значение некоторых критических и научных работ Страхова для поэтики рассказа Достоевского.

По наблюдениям А. С. Долинина, воздействие Страхова проникало «вглубь философских воззрений Достоевского, освещая в его сознании самый метод его художественного творчества» [Долинин 1989: 252]. Исследователь рассматривал основные идеалистические установки Страхова: примат духа над материей, проблему субъективизма в познании, соотнося их с установками Достоевского-художника: строение образа героя в соответствии с идеей, формирующей его психический склад, равно и реальную обстановку, его окружающую. Психологический метод Достоевского, его постоянный «обратный ход» — от внешнего мира к внутреннему — тоже находится в соответствии с дуализмом Страхова и его методом внутреннего наблюдения. Долинин указывал, что идеализм философа воплощался в его осмыслении природы (как непрерывного создания духа). Так же он понимает и тело человека, которое есть «создание и выражение его души». Таким образом, для философа «душа, идея — единственная активная, творящая сила в окружающей действительности». И поэтому жизнь исследуется не только как «самоудовлетворение, но и саморазрушение, самонедовольство». Достоевский в своем творчестве художественными средствами испытывает этот же опыт: «...кто сказал, что человек непременно стремится к счастью?» [Долинин 1989: 257]

Достоевский очень ценил труды Страхова. В письме Л. Н. Толстому Страхов писал, что Достоевский «был мой усерднейший читатель, очень тонко все понимал»¹. В библиотеке писателя находился целый ряд работ философа, там же хранились и номера журнала «Заря» [Библиотека: 145, 203, 262]. Связывал Достоевского и Страхова общий круг чтения, который тоже ждет еще своего исследования. Тема отношений критика и писателя охватывает два важнейших в жизни и творчестве (как Страхова, так и Достоевского) десятилетия, этапы сотрудничества во «Времени» и «Эпохе», «Заре», в издании «Гражданина». В публицистике Страхов занимал общие с Достоевским идеологические позиции. Так, борьба с нигилизмом Страхова была непосредственно связана с главным идейно-философским направлением журналов братьев Достоевских «Время» и «Эпоха» — почвенничеством. Главным идеологом этого направления в первой половине 1860-х гг. был, как известно, Ап. А. Григорьев, с которым у Страхова сложились теплые дружеские отношения. Сам Страхов видел в «почвенничестве» разновидность славянофильского направления: «Мысль о новом направлении сперва занимала меня, но очень скоро, по своему нерасположению к неопределенности, я порешил, что нужно прямо признать себя славянофилом, когда признаешь существенные начала этого учения»². В «Воспоминаниях о Федоре Михайловиче Достоевском» Страхов объяснял, что славянофильство — не оторванная от жизни теория, а «естественное явление», основанное на приверженности к «давнишним началам русской жизни». С «отрицательной же стороны» это «реакция, то есть желание сбросить умственное и нравственное иго, налагаемое на нас Западом» (Воспоминания. С. 402).

¹ Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым. СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1913. (Далее — Переписка.) С. 273.

² Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. Цит. по: Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников. В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. (Далее — Воспоминания.) С. 402.

В 1868 г. Страхов становится одним из организаторов выхода нового издания — журнала «Заря». Он так пишет об этом Достоевскому:

Итак, многоуважаемый Федор Михайлович, начинается новый журнал, «Заря». Его непременно нужно было начать, а то, как выражается один из моих новых и юных знакомых, *Незеленов*, написавший большую и прекрасную статью о Пушкине, — совсем было прекратилась литература. А знаете ли, с которых пор он считает прекращение литературы? Со времени прекращения *Эпохи*. А знаете ли, кто г. Кашпирев, наш редактор? Познакомившись с ним ближе, я увидел, что он воспитанник *Времени* и *Эпохи*, что он воспитался на них, как другие русские люди на *Современнике*, *Русском Слове* и пр. Итак, есть плоды и нашей деятельности; они редки; но действительные плоды, а не пустоцвет³.

Журнал «Заря» начал выходить в 1869 г. при активнейшем участии Страхова и просуществовал до марта 1872 г. (последний номер вышел в феврале). «Вечный муж» Достоевского был опубликован в двух номерах журнала за январь и февраль 1870 г. В. А. Фатеев рассматривает эпоху «Зари» как следующий этап в развитии почвеннических идей Страхова и Достоевского [Фатеев 2020: 54].

На рубеже десятилетий Достоевский продолжает разрабатывать тот же — неизменно значимый и для него, и для Страхова — круг тем и проблем: нигилизм, женский вопрос, «отцы и дети», личности и литературное творчество А. И. Герцена, В. Г. Белинского, И. С. Тургенева, Л. Н. Толстого. Этот тематический комплекс пронизывает большинство материалов, публикуемых на страницах «Зари». Уже в первых номерах за 1869 г. редакция обозначает существенный момент: «Заря» — журнал «с направлением», и все материалы, публикующиеся в нем, так или иначе соотносятся именно с «направлением». В третьем номере (за март 1869 г.) в неподписанном «Заявлении от редакции» Страхов⁴ писал о том, что появление журнала вызвало «дружное неудовольствие». Это «неудовольствие» для критика — положительный факт, так как свидетельствует о злободневности издания, его необходимости⁵.

Само «Заявление» было написано по поводу присланного в журнал фальшивого стихотворения за поддельной (как выяснилось потом) подписью А. А. Фета «Дикарка», которое было опубликовано во втором (февральском) номере «Зари» за 1869 г. Первые буквы акростиха складывались в высказывание: «Зоря Кашпирева умирает». Страхов пишет: «Вот, что мы слышим со всех сторон вместо разбора наших статей, вместо суждений о наших романах и т. п.» (Заря. № 3, с. 201). Он видит причину вражды именно в славянофильском направлении издания, приводя критический отзыв А. А. Краевского, работавшего сразу на два направления⁶, и ядовитые

³ *Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению*. М.: Л.: Акад. наук СССР, 1940 (Далее — Шестидесятые годы.) С. 259–260.

⁴ В библиографию работ Страхова «Заявление от редакции» до сих пор не включали, но стилистический анализ этой заметки (выражение собственной точки зрения опосредованно, т. е. через критику журнала другими изданиями, аргументация от противного, такие любимые словечки, как «признаки» и «геологический переворот» и др.) подтверждает ее принадлежность Страхову.

⁵ Цит. по: Заря. 1869. (Далее — Заря.) № 3. С. 200.

⁶ О двойственности позиции А. А. Краевского Достоевский писал еще на страницах «Эпохи» в 1864 г., в статье «Каламбуры в жизни и в литературе». «Шелудивый либерализм» и антирусскость «Голоса» Краевского вызывали отпор лагеря почвенников в лице Достоевского и Страхова.

тый отзыв издателя газеты «Новое Время» А. К. Киркора. По поводу опыта Краевского Страхов пишет о «Заре» как о журнале с неизменным направлением, обещая читателям не передавать издание «людям, враждебным этому направлению», «избегать всего, что противно духу нашего журнала, и заботиться обо всем, что может приобрести и сохранить нам уважение наших читателей» (Заря. № 3, с. 202).

Киркор в «Новом Времени» язвительно указывал на «приятный восточный дух», которому все «строго гармонирует» в издании В. В. Кашпирева. И Страхов, приводя язвительный отзыв, с искренним чувством писал, что он ему льстит, т. к. редакция очень старалась «о том, чтобы действительно дать такое единство журналу». Далее он указывает, что «мы и впредь будем неизменно об этом стараться» (Заря. № 3, с. 203).

Первый номер «Зари» за январь 1869 г. открывало стихотворение А. Н. Майкова «Я люблю, — перед иконой», в разделе прозы была напечатана первая часть романа А. Ф. Писемского «Люди сороковых годов», далее шла первая часть книги «России и Европы» Н. Я. Данилевского, «Политические теории XIX столетия. Бенжамен Констан» А. Д. Градовского; в разделе критики — первая статья Страхова о «Войне и мире»; далее — рецензия Н. К. Ренненкампа на «Юридическую догматику» М. Капустина, «Театральная хроника» и раздел «Из современной хроники»; в последнем (XII) разделе публиковались переводы из иностранной литературы, в частности, в первых номерах журнала была напечатана «Праздничная повесть» Ч. Диккенса. На протяжении первого года издания направление воплощалось в журнале в разностороннем освещении славянской темы. Майков публиковал в «Заре» свои сочинения на славянские темы и сюжеты. Так, во втором номере «Зари» за 1869 г. вышло его стихотворение «Сабля царя Вукашина. Из Сербских народных песен». О. Ф. Миллер публиковал свои филологические исследования по древнерусской и русской литературе: в том же втором номере за 1869 г. он опубликовал статью «Ссора Ильи Муромца с князем Владимиром. (По вопросу о русских былинах, с заметкой для “Вестника Европы”»⁷). В третьем номере за март были опубликованы «Комедия о российском дворянине Фроле Скабееве и стольничьей Нардын Нащокина дочери Аннушке» Д. В. Аверкиева, «Из рассказов об эмигрантах» В. И. Кельсиева, продолжение сочинения П. К. Щебальского «Екатерина II как писательница». Из прозы в 1869 г. в «Заре» публиковались роман «Цыгане» В. П. Ключникова, «Буянов — мой сосед (из очерков кавалерийской жизни)» В. В. Крестовского, «Хамид и Маноли (рассказ Критской гречанки об истинных событиях 1858 года)» К. Н. Леонтьева. Неизменно уделялось в «Заре» внимание событиям русской истории. Так, в сентябрьском номере был опубликован «Бунт военных поселян в 1831 году (рассказ очевидца, командира поселенной роты)», а в октябрьском эта тема была продолжена анонимным очерком «Бунт ополчения в 1812 г.». Тему раскольников на страницах журнала продвигал в своих очерках и рецензиях Кельсиев. В ноябрьской книге появилась статья М. П. Погодина «Два слова об архиепископе Вассиане и о славянском съезде 1867 года (по поводу статей в Октябрьской книге “Вестника Европы”»⁷. Так или иначе, но «Заря» в течение всех лет своего существования объединяла вокруг себя писателей, критиков, публицистов и философов славянофильского направления, которое противостояло

⁷ О критике Достоевским редакции «Зари» см.: [Капустина 2015: 51–65].

либеральному прозападническому⁸. В декабрьском номере за 1869 г. в «Критических заметках о текущей литературе» Страхов писал об истории противостояния двух лагерей, значении русской литературы (в частности, с опорой на немецкую критику он высоко оценивал роман Писемского «Тысяча душ»), значении и роли критики. В последней части обзора Страхов подводит итог деятельности «Зари» за первый год существования издания, подчеркивая объем выполненной работы. Самым важным ему видится соответствие деятельности поставленным целям, верность славянофильскому направлению в осуществлении задач. Именно это является залогом как успешности «Зари», так и того «удовольствия», с которым Страхов обзорекает результаты первого года существования издания (Заря. № 12, с. 151).

Далее Страхов пишет о разделе изящной словесности, в отношении которого «Заря» «равнялась с журналами, вполне блиставшими своею словесностью» и руководствовалась эстетическими критериями отбора. В разделе публицистики он особо отличает труд Данилевского «Россия и Европа»: «На эту статью мы просим читателей смотреть как на полное изложение тех взглядов, каких по нашему убеждению должен держать журнал в настоящее время» (Заря. № 12, с. 152). В разделе критики Страхов выделяет статьи о «Войне и мире» Толстого и «Обломове» И. А. Гончарова.

В рамках данной работы хотелось бы, во-первых, остановиться на статьях Страхова о «Войне и мире», опубликованных в первых двух номерах «Зари» за 1869 г.⁹ А во-вторых, рассмотреть его работы по психологии душевных явлений, появившиеся в «Отечественных записках», «Заре» и в конечном итоге составивших его очерк «Об основных понятиях психологии». Указанные труды представляют интерес для исследования процесса развития художественного метода Достоевского и поэтики рассказа «Вечный муж».

Достоевский писал Страхову в письме от 26 февраля 1869 г.:

Кстати, заметили Вы один факт в нашей русской критике? Каждый замечательный критик наш (Белинский, Григорьев) выходил на поприще, непременно как бы опираясь на какого-нибудь передового писателя, то есть как бы посвящал всю свою карьеру разъяснению этого писателя и в продолжение жизни успевал высказать все свои мысли не иначе, как в форме растолкования этого писателя.<...> Белинский заявил себя ведь не пересмотром литературы и *имен*, даже не статью о Пушкине, а именно опираясь на Гоголя, которому он поклонился еще в юношестве. Григорьев вышел, разъясняя Островского и сражаясь за него. У Вас бесконечная, непосредственная симпатия к Льву Толстому с тех самых пор, как я Вас знаю. Правда, прочтя статью Вашу в «Заре», я первым впечатлением моим ощутил, что она *необходима* и что Вам, чтоб по возможности высказаться, иначе и нельзя было начать как с Льва Толстого, то есть с *его последнего сочинения*¹⁰.

⁸ Отношения Страхова с «Зарей» складывались неровно. В. А. Фатеев пишет о причинах отстранения Страхова от редакторства в начале 1871 г., объясняя это, с одной стороны, неудачей с подпиской и, «возможно, какими-то просчетами в редакторской работе», а с другой — «принципиальной позицией Страхова при суде Кашширева с Лесковым» [Фатеев 2021: 142].

⁹ Третья часть рецензии Страхова на роман Толстого вышла в первом номере «Зари» за 1870 г. — в этом номере была опубликована и первая часть «Вечного мужа» Достоевского.

¹⁰ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений. В 30 т. Т. 29, кн. 1: Письма, 1869–1874. Л.: Наука, 1986 [Достоевский 1986]. (Далее — Письма.) С. 16.

Однако статьи Страхова о «Войне и мире»¹¹ вызвали неоднозначную реакцию Достоевского. Внутренний конфликт со Страховым, назревавший во второй половине 1860-х гг., последовательно усиливался и в процессе сотрудничества в «Заре». В частности, блестящая рецензия Страхова на роман Толстого не могла не вызвать болезненную реакцию Достоевского по целому ряду причин. Во-первых, Страхов так и не написал обещанную рецензию на роман Достоевского «Идиот», что было связано с неуспехом романа у критики (в отличие от «Преступления и наказания», о котором и в конце 1860-х гг. еще продолжали писать). А рецензия Страхова на «Войну и мир» начинается с констатации успеха романа у публики и анализа критических отзывов. Во-вторых, болезненную реакцию у Достоевского вызвал пассаж в первой статье Страхова, в котором он размышлял о причинах успеха Толстого, косвенным образом задевая Достоевского. Так, он писал, что успех романа нельзя объяснить никакими «побочными посторонними для дела причинами»: Толстой не старался «увлечь читателей» «какими-нибудь запутанными и таинственными приключениями», «описанием грязных и ужасных сцен», «изображением страшных душевных мук», «дерзкими и новыми тенденциями»¹².

В-третьих, Достоевский не согласился с преувеличением Страхова, который приравнивал Толстого «всему, что есть в нашей литературе великого»¹³; в письме от 24 марта (5 апреля) 1870 г. из Дрездена Страхову он пишет:

Это решительно невозможно сказать! Пушкин, Ломоносов — гении. Явиться с *Араном Петра Великого* и с *Белкиным* значит решительно появиться с гениальным *новым словом*, которого до тех пор *совершенно* не было нигде и никогда сказано. Явиться же с «Войной и миром» — значит явиться после этого *нового слова*, уже высказанного Пушкиным, и это *во всяком случае*, как бы далеко и высоко не пошел Толстой в развитии уже сказанного в первый раз, до него, гением, нового слова. По-моему, это очень важно (Письма. С. 114).

Болезненная реакция Достоевского на пассаж Страхова о «запутанных и таинственных приключениях» в его статье о «Войне и мире» прозвучала в уже цитированном выше письме Достоевского от 26 февраля (10 марта) 1869 г. из Флоренции в связи с темой «Идиота», отзыв на которого ждал писатель от критика. В этом письме Достоевский сформулировал свое понимание реализма и свой взгляд на «сущность действительности»:

У меня свой особенный взгляд на действительность (в искусстве), и то, что большинство называет почти фантастическим и исключительным, то для меня иногда со-

¹¹ Необходимо отметить, что это был не первый отклик Страхова на роман. Первые статьи, посвященные «1805 году» Толстого, были опубликованы критиком в «Отечественных записках» за 1866 г. (в первой и второй книгах журнала за декабрь). Но в историю критики вошли именно статьи Страхова о «Войне и мире», напечатанные в «Заре» за 1869 г. Сам Страхов очень гордился этими статьями и даже называл их «критической поэмой в четырех песнях» (Переписка. С. 38). Как пишет И. Н. Сухих, «три статьи Страхова о “Войне и мире” образовали практически первую монографию о романе, трижды переиздававшуюся при жизни критика» [Сухих 2002: 25].

¹² Страхов Н. Н. Война и мир. Сочинения графа Л. Н. Толстого. Т. I, II, III и IV. Изд. 2-е. М., 1868. Цит. по: [Сухих 2002: 183]. (Далее — Война и мир.)

¹³ Эту мысль Страхов сформулировал в объявлении «Литературная новость (о появлении 5-го тома)», опубликованного в третьем номере «Зари» за 1869 г.

ставляет самую сущность действительного. Обыденность явлений и казенный взгляд на них, по-моему, не есть еще реализм, а даже напротив. В каждом номере газет Вы встречаете отчет о самых действительных фактах и о самых мудреных. Для писателей наших они фантастичны; да они и не занимаются ими; а между тем они действительность, потому что они *факты*. Кто же будет их замечать, их разъяснять и записывать? Они поминутны и ежедневны, а не *исключительны*. <...> Мы всю действительность пропустим этак мимо носу. Кто ж будет отмечать факты и углубляться в них? (Письма. С. 19)

Замысел «Вечного мужа» разрабатывался Достоевским в течение 1869 г. В рамках нашего исследования остановимся на важных для анализа творческого процесса писателя тезисах обширной рецензии Страхова на «Войну и мир» Толстого.

Страхов называет Толстого «реалистом» и доказывает свою мысль «беспощадным изображением» героев: «Безжалостно, беспощадно гр. Л. Н. Толстой обнаруживает все слабые стороны своих героев; он не утаивает ничего, не останавливается ни перед чем, так что наводит даже страх и тоску о несовершенстве человека» (Война и мир. С. 186). И в связи с этим критик пишет о цели художественного изображения у Толстого: «...*правда* в изображении — неизменная верность действительности» (Война и мир. С. 187).

Страхов называет Толстого «реалистом-психологом», тонко и верно изображающим душевные движения: «Все внимание его устремлено на душу человеческую» (Война и мир. С. 189). Вопрос о соотношении идеала и действительности оказывается определяющим в трактовке сущности реализма Толстого по Страхову: «Это не Гоголь, озаряющий ярким светом идеала всю *пошлость* *пошлого* человека, это художник, который сквозь всю видимую миру пошлость умеет разглядеть в человеке его человеческое достоинство» (Война и мир. С. 194).

Толстой как «реалист-психолог» изображает душу человеческую «с реальностью, еще не бывалой в русской литературе». Реальность изображения души, по Страхову, нужна для «осуществления идеала» (Война и мир. С. 196–198). Именно в этом свете «душа человеческая является в чрезвычайном разнообразии типов, является слабая, подчиненная страстям и обстоятельствам, но, в сущности, в массе руководимая чистыми и добрыми стремлениями». Для Страхова принципиально важно, что в произведении Толстого «среди всего разнообразия лиц и событий мы чувствуем присутствие каких-то твердых и незыблемых начал, на которых держится эта жизнь». Эти «твердые основания» («вечные ценности») критик отстаивал всю жизнь. Так, у Толстого он обозначает как неизменные начала жизни «обязанности семейные» и «понятия о добре и зле» (Война и мир. С. 201).

В IV, заключительном, разделе первой статьи Страхов пишет, что «всякая человеческая жизнь управляется не умом и волею, т. е. не мыслями и желаниями, достигшими ясной сознательной формы, а чем-то более темным и сильным, так называемую *натуру* людей». Эта мысль была важна и для Достоевского: он тоже постоянно обращался к «натуре» человека. Сложное взаимодействие ума/сознания/воли и натуры является источником поступков его героев. Страхов исследовал эту тему не только в критических статьях, но и в работах по психологии. Для него, как и для Достоевского, жизнь выше идеи. Так в рассматриваемой статье о «Войне и мире» Толстого он далее пишет, что «источники жизни (как отдельных лиц, так и целых народов) гораздо глубже и могущественнее, чем тот сознательный про-

извол и сознательное соображение, которыми, по-видимому, руководятся люди». Вера в жизнь для критика — это «признание за жизнью большего смысла, чем тот, какой способен уловить наш разум» (Война и мир. С. 204).

Далее Страхов выводит значение «религиозного взгляда на мир» в романе, подчеркивая, что именно «религиозный взгляд составляет всегдашнее прибежище души, измученной жизнью, единственную точку опоры для мысли, пораженной изменчивостью всех человеческих благ». Красота души, которая отрекается от мира и становится выше мира, — «всепрощение и любовь» (Война и мир. С. 205). И в данном случае критик опять подчеркивает у Толстого то, что принципиально важно для его собственной эстетической концепции. Эстетическая концепция Страхова носила религиозно-философский характер. Он был учеником Ап. Григорьева, опирался на опыт его «органической критики». Не случайно дальше в рецензии критика на «Войну и мир» появляется имя друга и учителя.

Так, во второй статье, Страхов рассматривает место и значение «Войны и мира» в истории русской литературы и ставит роман Толстого в один ряд с «Капитанской дочкой» Пушкина. А потом обращается к истории русской литературы и критики. И в центре его концепции закономерно оказывается Ап. Григорьев. Страхов подробно характеризует взгляды Григорьева на деятельность Пушкина как на «душевную борьбу с различными идеалами, с различными вполне сложившимися историческими типами, тревожившими его натуру и пережитыми ею» (речь идет о таких типах, как байроновские типы Чайльд-Гарольда, Дон-Жуана и т. д.). Григорьев подчеркивал, что Пушкин не подражал, а усваивал и «переживал» в творческом сознании опыт образного воплощения идеалов других культур. «Борьба с типами» в концепции Григорьева — это и душевный отклик на известный тип, с одной стороны, и неспособность до конца ему отдаться, с другой. Борьба с типами помогла Пушкину стать самим собой. И именно в этой борьбе ему удалось создать национальные типы в русской литературе, в которых воплотилась «наша русская физиономия, истинная мера всех наших общественных, нравственных и художественных сочувствий, полный тип русской души». Поэтому Пушкин и является творцом русской поэзии и литературы. В его героях «наше типовое» «облеклось в высочайшую поэзию, поравнялось со всем великим, что он знал и на что отзывался своею великою душою. Поэзия Пушкина есть выражение идеальной русской природы, померявшейся с идеалами других народов» (Война и мир. С. 213–214).

Само название рассказа «Вечный муж» и художественное осмысление этого «вечного» типа, уже неоднократно обыгранного известными западноевропейскими авторами¹⁴, вызревало у Достоевского во многом в контексте его размышлений над этими пассажами статьи Страхова. Поэтика образа Трусоцкого создавалась писателем в контексте диалога со Страховым и Григорьевым. Рассуждение о типах у Страхова по Григорьеву так или иначе сводится к формулировке необходимости в литературе создавать национальные типы, отталкиваясь от чуждых нам образцов: «Искусство... с непобедимой силой обращается к русской жизни и начинает в ней искать своих типов, своих идеалов» (Война и мир. С. 226). Достоевский эту

¹⁴ Комментаторы Полного собрания сочинений Ф. М. Достоевского в 35 томах пишут: «...в “Вечном муже” прием превращения комического персонажа в трагическую и зловещую фигуру был им (писателем. — А. Т.) применен к типу роконоса, увековеченного Мольером, а позднее ставшего постоянным предметом осмеяния европейской комедии и романистики, особенно французской» [Достоевский 2020: 885].

задачу ставил в своем творчестве. В частности, этой задаче подчинен рассказ «Вечный муж». Рассуждение о «хищных и смиренных» типах (о которых дальше пишет в рассматриваемой статье критик¹⁵) буквально введено в произведение Достоевским: герои обсуждают это положение статьи Страхова в повести. Трусоцкий говорит Вельчанинову:

Я ведь об «хищном» этом типе, и об «смирном-с» сам в журнале читал, в отделении критики-с, — припомнил сегодня поутру... только забыл-с, а по правде, тогда и не понял-с. Я вот именно желал разъяснить: Степан Михайлович Багаутов, покойник-с, — что, он «хищный» был или «смирный-с»? Как причислить-с?¹⁶ (Вечный муж. С. 53)

Полемическая нота проявляется в иронии над попыткой свести человеческую личность к определенному типу, с одной стороны, с другой — в необходимости переосмыслить уже сложившиеся представления о типах (см.: [Щенникова 2008: 45]. Вельчанинов яростно кричит в ответ:

Хищный тип... это тот человек, который скорей бы отравил в стакане Багаутова, когда стал бы с ним «шампанское пить» во имя приятной с ним встречи, как вы со мной вчера пили, — а не поехал бы его гроб на кладбище провожать, как вы давеча поехали, черт знает из каких ваших сокрытых, подпольных, гадких стремлений и марающих вас самих кривляний! Вас самих! (Вечный муж. С. 53).

Достоевский, как и Григорьев со Страховым, отдавал пальму первенства в открытии «смирного» или «простого» типа Пушкину («вечный Белкин» — по определению Страхова (Война и мир. С. 218)). Соответственно, в «Вечном муже» он переосмыслил открытый Пушкиным тип, выбрав для этого образ роконосца, комически обыгранный в европейской литературе. Сложность замысла усиливалась «подпольной темой»¹⁷, которая реализовывалась художественными средствами не только в поэтике образа Трусоцкого, но и в поэтике повести в целом (в частности, в повествовательной стратегии рассказа, посредством которой изображается сложный процесс рефлексии Вельчанинова). М. С. Петровский писал, что «главный предмет рассказа — душевное состояние Вельчанинова». Для критика центральной темой являлась встреча души героя (Вельчанинова) «с иным психическим началом, воплощенным в образе “вечного мужа”». Тема воплощалась в сюжете противоборства двух психических начал: «вечного любовника» и «вечного мужа» [Петровский 1928: 159].

¹⁵ Страхов пишет: «Григорьев показал, что к чужим типам, господствующим в нашей литературе, принадлежит почти все то, что носит на себе печать героического, — типы блестящие или мрачные, но во всяком случае сильные, страстные, или, как выражался наш критик, хищные. Русская же натура, наш душевный тип явился в искусстве прежде всего в типах простых и смиренных, по-видимому, чуждых всего героического, как Иван Петрович Белкин, Максим Максимыч у Лермонтова и пр. Наша художественная литература представляет непрерывную борьбу между этими типами, стремление найти между ними правильные отношения — то развенчивание, то превознесение одного из двух типов, хищного или смиренного» (Война и мир. С. 226).

¹⁶ Цит. по: Достоевский Ф. М. Полное собрание сочинений и писем. В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 9. СПб.: Наука, 2020 [Достоевский 2020]. (Далее — Вечный муж.) С. 53.

¹⁷ Достоевский возводил замысел «Вечного мужа» к «Запискам из подполья» [Достоевский 1986: 32]. Но в процессе работы замысел претерпевал значительные изменения.

Вопрос о душе человека и художественных средствах исследования ее бытия, обозначенный Страховым в критическом разборе «Войны и мира», чрезвычайно важен для поэтики рассказа Достоевского. И в этом аспекте хочется обратить внимание на ряд работ Страхова по психологии, которые он печатал во второй половине 1860-х гг. Так, в «Отечественных записках» вышли две его статьи об английской психологии «Английская психология. “Немецкая психология в текущем столетии. Историческое и критическое исследование, с предварительным очерком успехов психологии со времен Бэкона и Локка” М. Троицкого. М., 1867» (в первой книге за сентябрь и второй за декабрь 1868 г.). В «Заре» эта тема была продолжена Страховым в статьях «“Самостоятельное начало душевных явлений. Психофизиологическое исследование...”, написанное... Генрихом Струве. М. 1870...» (1870, № 5, о. II, с. 132–172) и «“Основания психологии и логики по Бенеке. Руководство... составлено И. Г. Дресслером”... СПб., 1871» (1871, № 8, о. II, с. 1–8). В 1872 г. вышел перевод Страхова труда И. Тэна «Об уме и познании» с предисловием переводчика («О чисто эмпирическом методе») ¹⁸. В 1873 г. в «Гражданине», выходявшем под редакцией Ф. М. Достоевского, была опубликована рецензия Страхова на «Психологические этюды» И. М. Сеченова. В 1878-м — статьи «Об основных понятиях психологии. Глава I. Различие между душой и телом» и «Глава вторая и последняя. Изучение души» в «Журнале Министерства народного просвещения». Размышления Страхова о душе (как главном предмете изучения психологии) позже составило первую часть его книги «Об основных понятиях психологии и физиологии» (СПб., 1886) ¹⁹. Представляется, что на сегодняшний день этот круг работ Страхова недооценен и мало изучен. Психологический реализм Достоевского обычно рассматривается вне контекста трудов Страхова по психологии.

В статьях 1868 г. Страхов предлагает анализ книги Троицкого «Немецкая психология в текущем столетии». В обзоре открытий английской психологии Страхов обозначает важность научного вопроса о природе познания, о механизмах рефлексии, о соотношении эмпирического и психического планов в природе ощущения, восприятия, представления. Что такое память, как осмысливается собственное «я», что такое душа — вот вопросы, которым посвящен круг работ Страхова. Особое место в его работах (и не только по психологии) занимает такое явление психической жизни человека, как сон. Так, еще в рецензии на «Преступление и наказание» Достоевского, опубликованной в «Отечественных записках» в 1867 г., анализ снов в романе занимал важное место. Страхову не понравился только четвертый, последний, сон Раскольникова на каторге, так как он увидел в нем избыточный аллегоризм: «Фантастичность, свойственная сновидениям, схвачена с изумительной яркостью и верностью». Страхов указывает на специфическую черту фантастичности сновидений: «Странная, но глубокая связь с действительностью уловлена во всей ее странности». По мысли критика, в реальных снах действительность преломляется в самых необычных формах. Именно поэтому ему не понравился сон, «который Раскольников видит в каторге». Этот сон «есть явное сочинение, холодная аллегория» [Страхов 2000: 118].

¹⁸ Эта книга была в библиотеке Достоевского, см.: [Библиотека: 145].

¹⁹ Отдельным изданием очерк Страхова «Об основных понятиях психологии» вышел раньше, в 1878 г. Издание тоже было в библиотеке Достоевского [Библиотека: 302].

Остановимся на некоторых положениях трудов Н. Н. Страхова по психологии, важных для понимания специфики художественного изображения жизни души героя в «Вечном муже» Достоевского. В очерке «Об основных понятиях психологии» (во второй главе «Изучение души») Страхов пишет о мире души как о мире «темном и таинственном». Для познания его необходимо «дать непривычный ход мыслям», противоположный обычному их ходу: «понятно, что мы не можем видеть в этом случае также ясно, как при обыкновенном порядке нашего познания»²⁰.

В философском плане Страхов строит свою концепцию, отталкиваясь от положений работ Декарта, которого он постоянно цитирует: решение вопроса об ощущениях, идеях, представлениях, памяти, воображении в их соотношении с реальностью (проблема субъективности) находится в центре внимания автора. Постоянно обращается Страхов и к теме сна:

Если мы вспомним сон, то увидим, что не только во время болезни или сумасшествия, но каждый день наше воображение и наша память доводят свои образы до живости действительных ощущений (Об основных понятиях. С. 42).

В данном случае Страхов сосредоточен на характеристике сна как одном из проявлений деятельности ума. Так, он указывает, что и в бодрствующем состоянии «мысль о каком-нибудь отвратительном веществе может возбудить тошноту». Но в таких чисто субъективных явлениях, как сон, «мысль очень часто действует сильнее действительности». Воспоминания, как и сны, Страхов рассматривает как работу ума (воспоминания о любимом человеке или воспоминания об обиде могут воздействовать на человека сильнее, чем сами пережитые события) (Об основных понятиях. С. 42).

Проблема объективирования психических явлений является залогом возможности их анализа:

Все мы стараемся быть как можно искуснее в этом объективировании, учимся не верить самим себе, изучаем себя так, как изучаем посторонних людей, для того, чтобы в своих суждениях и действиях не подчиняться слепо особенностям и ошибкам своего ума и сердца (Об основных понятиях. С. 45).

Проблема состоит в том, что довести до конца это объективирование, по мысли Страхова, человек не может: для этого надо убить в себе всякую способность мыслить и действовать. Получается, что для объективирования нужны опоры —

такие мысли, в истине которых мы не можем сомневаться, такие чувства и желания, от которых мы не можем отказаться, на которые не можем смотреть как на прихоть, по произволу исполняемую и отменяемую (Об основных понятиях. С. 45).

Страхов верит в то, что в каждом человеке такие неизменные первичные истинные начала присутствуют: «Как ни глубоко бывают иногда скрыты в душе человека эти мысли и желания, но они есть в каждом и иногда вдруг обнаруживаются с большою силою» (Об основных понятиях. С. 45).

²⁰ Страхов Н. Н. Об основных понятиях психологии и физиологии. СПб., 1886. (Далее — Об основных понятиях.) С. 39.

В третьей части второй главы очерка («Объективирование») философ останавливается на субъекте познания. Он начинает с вопроса о понятиях познающего субъекта и познаваемого объекта. И здесь для него принципиально важен вопрос о соотношении в природе человека бессознательного и рационального начал. Так он рассматривает вопрос о независимости психических явлений: «Каждый знает, что его психические явления не вполне зависят от него. Не только мы не можем видеть и не слышать того, что делается перед нами, но наши мысли и чувства приходят к нам помимо нашей воли и даже против нашего усиленного желания». В силу этого люди готовы приписывать «свои собственные мысли и чувства внушениям других существ» (Об основных понятиях. С. 46).

Дальше Страхов снова возвращается к соотношению реального и фантастического в снах (именно в том ракурсе, в котором он хвалил сны в рецензии на «Преступление и наказание»). В снах в полной мере проявляется независимость психических явлений: «Во сне мы живем полною жизнью, всеми сторонами нашей души и, однако, готовы отрицать всякую связь между этою сонною жизнью и нашим действительным существованием». Сам человек не готов воспринимать сон как факт действительной жизни собственной души: «Что бы мы ни думали, ни чувствовали и ни делали во сне, мы все это отрицаем, как не принадлежащее нам». Как и герои в произведениях Достоевского, человек у Страхова во сне переживает свои чувства и дела как не свои («кто-то другой») или навязанные извне, а сам человек не имеет «никакой силы уклониться от этих действий его собственной души» (Об основных понятиях. С. 46).

Но, как пишет далее философ, психические явления во всех состояниях человека (не только в снах) не зависят от него: «Мы приносим с собою, являясь на свет, определенные задатки душевных сил, и ни качество, ни размеры этих сил от нас не зависят». Человек не управляет ни развитием собственной души, ни развитием своего тела «от младенчества до дряхлости». При этом тело характеризуется большим постоянством, чем душа. Так как «в душе мы не можем, по-видимому, ругаться ни за одну мысль, ни за одно желание, ни за одно чувство, как за что-нибудь неизменное; все это может исчезнуть, все это может замениться другим содержанием». По Страхову, «сама природа психических явлений такова, что мы лишены возможности закрепить их, удержать в неизменном виде». Получается, что человек не свободен от себя самого, от своей природы. Мало того, никакие усилия человека не могут остановить процесс изменений в нем: «пламенное чувство холодеет», «живая мысль иссыхает». И этот процесс превращений не могут остановить и даже задержать никакие усилия (Об основных понятиях. С. 47–48).

Человек в этом рассуждении Страхова — всегда «зритель собственной жизни, а не только ее творец». Решение вопроса о свободе человека и независимости его волеизъявления в данном контексте оказывается весьма проблематичным. Процесс объективирования собственных душевных состояний чреват состоянием, подобным сну, когда человек не живет, а созерцает, как ему живется. Настроение, подобное сну «среди самой бодрой жизни», значит, что «в душе нашей поднялись такие чувства, которых мы не ожидали ни от себя, ни от внешних обстоятельств, и мы вдруг теряем обыкновенное чувство обладания и собою и действительностью» (Об основных понятиях. С. 4–49).

Страхов в очерке рассматривает соотношение физиологии и психологии в объективно-идеалистической системе координат. А такое решение вопроса об основных понятиях психологии было полемически направленно против позитивистского лагеря в науке, одним из ярких представителей которого был И. М. Сеченов. В рамках же нашего исследования существенен факт, что размышления Страхова о природе и механизмах функционирования психических явлений перерабатывались в творческой лаборатории Достоевского, воплощаясь (в контексте других влияний) в его художественных произведениях.

В «Вечном муже» изображается процесс рефлексии в душе главного героя, Алексея Ивановича Вельчанинова. И нарастание болезненного пробуждения его души становится следствием встречи героя с человеком, явившимся из уже, казалось бы, прошедшего этапа его жизни. Генезис рассказа восходит к повести «Двойник». Достоевский, как известно, в процессе работы над рассказом отказался от повествовательной стратегии от лица героя, вернувшись к опыту «Двойника» и «Преступления и наказания» (т. е. к повествованию от «всеведущего автора»). Такая повествовательная стратегия позволяла ему в объективированной форме показать внутренний процесс душевных переживаний Вельчанинова в момент острого кризиса. Но также, как и в случае с «Двойником», в название рассказа вынесено не имя главного героя, переживания которого изображаются, а ироническое прозвище «альтер эго» главного героя, Павла Павловича Трусоцкого, — «вечный муж». Образ Трусоцкого создается Достоевским как новый вариант переосмысленного в контексте национальной культуры «вечного» типа рога носца. Писатель создает сложную комбинацию типологических черт. В поэтике образа Трусоцкого он продолжает исследование открытых им типов двойника, мечтателя и «подпольного человека». Трусоцкий изображается в рассказе повествователем через восприятие Вельчанинова. И сложный психологический процесс, происходящий в душе «вечного мужа», провинциального чиновника, приехавшего в столицу для сведения счетов с любовниками покойной жены, в двойном опосредованном восприятии Вельчанинова и повествователя приобретает трагическую глубину. В центре конфликта оказывается трагическая история любви Трусоцкого к дочери (как известно, после смерти неверной жены он узнает, что Лиза — дочь Вельчанинова). Драматический разворот отношений Трусоцкого и Лизы, в который вмешивается с благими намерениями Вельчанинов, приводит к гибели девочки. С образом Лизы в повесть вводится тема Карамзина²¹, которая позволяет Достоевскому в художественном плане подняться до пушкинского идеала изображения «маленького человека»²². В финальной встрече героев на вокзале провинциального городка, когда Вельчанинов протягивает Трусоцкому для пожатия левую руку со шрамом от нанесенного бритвой ранения во время ночного покушения, «Павел Павлович

²¹ Необходимо отметить, что тема Карамзина была близка и Достоевскому, и Страхову. Так, в 10-м номере «Зари» за 1870 г. вышла статья Страхова «Вздых на гробе Карамзина (Письмо в редакцию “Зари”», в которой он защищал Карамзина от нападок А. Н. Пыпина. Достоевский с чувством откликнулся на эту статью в письме Страхову от 2 (14) декабря 1870 г.: «К статье о Карамзине (Вашей) я пристрастен, ибо такова почти была и моя юность и я возрос на Карамзине. Я ее с чувством читал. Но мне понравился и тон. Мне кажется, Вы в первый раз так резко высказываете то, о чем все молчали. Резкость-то мне и нравится. Именно смелости, именно усиленного самоуважения надо больше. Нисколько не удивляюсь, что эта статья Вам доставила даже врагов» (Письма. С. 153).

²² О карамзинской теме в рассказе см.: [Пращерук 2007: 207–218].

не взял руки, даже отдернул свою. <...> — А Лиза-то-с? — пролепетал он быстрым шепотом, — и вдруг запрыгали его губы, щеки и подбородок, и слезы хлынули из глаз. Вельчанинов стоял перед ним как столб» (Вечный муж. С. 108).

В рамках данной работы задача целостного исследования поэтики «Вечного мужа» не ставилась (о рассказе существует большая исследовательская литература). Нам важно обозначить в контексте рассматриваемых выше работ Страхова специфику художественных средств, которые использует Достоевский для изображения психических процессов, происходящих в душах героев. Мы обозначили прием объективирования в повествовательной стратегии (Страхов дает этому приему научное обоснование, а Достоевский разрабатывает его художественный потенциал). Далее постараемся обозначить специфику образов снов в рассказе. Оговоримся также, что рассмотрение специфики художественных средств у Достоевского в контексте работ Страхова не означает, что писатель заимствовал у него идеи (или приемы). Творческий метод Достоевского выработался еще в 1840-е гг., а в 1860-е, на новом этапе, в процессе идейной и художественной эволюции, шло активное развитие и усложнение его художественного метода и приемов. Другое дело, что работы Страхова давали богатый материал для творческой лаборатории писателя.

Из психологических явлений, которые описывает Страхов в очерке «Об основных понятиях психологии», укажем на описание «психического механизма, то есть той зависимости, в которой находятся одни психические явления от других как бы некоторого рода механических законов, которым они подчинены в своих движениях, слияниях и т. д.» (Об основных понятиях. С. 51). В главке «Эмпирическая психология» Страхов рассматривает точку зрения физиологов на такие психические механизмы, как впечатления, ощущения, восприятия. Он останавливается на различии «чистых ощущений от того усложнения, которое вносится в них, когда они обращаются в восприятие»: «Мир, который мы так легко воспринимаем зрением, слухом, осязанием, вовсе не дается нам ощущениями этих чувств; ощущения их очень скудны, неясны и отрывочны». Восприятие («ясные и отчетливые образы») — это плод работы души над полученным при помощи средств осязания материалом (Об основных понятиях. С. 54–55).

Останавливается он и на ассоциативной психологии, а потом переходит к анализу субъекта психического мира, «нашего я как субъекта». Рассматривая сознание, Страхов пишет о факте объективного раздвоения:

Самая существенная черта психических явлений заключается в этом удивительном раздвоении каждого из них на субъект и объект. Это раздвоение мы называем сознанием, и признаем обыкновенно, что всякое психическое явление сопровождается сознанием (Об основных понятиях. С. 57).

При этом ученый утверждает, что «я» как чистый субъект — «всегда единое и всегда неизменное — монада, неподвижная центральная точка психического мира» (Об основных понятиях. С. 58). Этот тезис становится для него определяющим при анализе раздвоения как психического заболевания: описание фактов присутствия в сознании другого «я» основывается на субъективных ощущениях больного человека. Так, он пишет, что «в здоровом человеке между его двумя я, субъективным и объективным, существует правильная связь, правильное отношение; в больном

эта связь нарушена — мир психических явлений вышел из законной власти своего центра». Но сущность центра и этих явлений неизменна: «и в сумасшедшем они вполне верны своей природе». Страхов описывает не только опыт душевнобольных. Он пишет о том, что все люди вынуждены наблюдать за собой, т. к. «все минутами бываем противны самим себе». Справляться с собой — это, по словам философа, «большой труд и заслуга». И это связано с чувством враждебности между двумя я, которое переживается практически всеми (Об основных понятиях. С. 64–65).

Понятие времени тоже связывается Страховым с «единым и неизменным» центром психического мира человека: различие и расположение объектов во времени «в некоторый ряд или некоторую нить» — первоначальный прием всякого объективирования. Но его условием является «некоторое *безвременное* я»: «Для того, чтобы время было вне нас, мы сами должны поставить себя вне времени» (Об основных понятиях. С. 68).

Страхов выступает в этом очерке против субъективного идеализма, утверждая объективный характер окружающей нас действительности, т. к. «действительность не только не входит в число явлений внутреннего мира, но составляет то условие, которое необходимо, чтобы образовалось понятие о внутреннем мире» (Об основных понятиях. С. 70). И снова он возвращается к вопросу о снax: «В самом деле, я, конечно, могу сказать, что вся моя жизнь есть сон, что мир есть лишь мое представление, что само пространство и время суть лишь формы моего ума». Но эти изречения, по Страхову, сами по себе не будут иметь полного смысла. Слова сон, представление, ум должны иметь некоторое определенное значение. Получить это значение можно только в том случае, если мы сможем отличать эти понятия от действительности. То есть прежде всего необходимо признать действительность: «Наша жизнь есть сон»; но если, кроме сна, ничего не существует, то эти слова ничего не значат» (Об основных понятиях. С. 71).

Установка на понимание сна как сложного феномена психической жизни человека «во всей его странности» и «глубокой связи с действительностью» является определяющей для поэтики снов в «Вечном муже». Исследователи неоднократно обращались к интерпретации этого ключевого композиционного приема воплощения «сюжета прозрения» (А. Ковач) героя в рассказе. А. Л. Бем прочитывал рассказ как «развертывание сна» Вельчанинова. Сюжет придуман героем в бреду, в попытке освободиться от мук совести: «Сон не слился с действительностью, как он думал, а перешел в видения, которые он принимал за действительность». Весь рассказ видится исследователю как «болезненный сон»: «Пять недель длилась эта болезнь, и ее крайние точки означены двумя сновидениями, в которых сгущены по законам сна волновавшие его припоминания прошлого» [Бем 1938: 69–70]. Но Достоевский, по сравнению с «Идиотом», в «Вечном муже» усложнил и объективировал поэтику снов. Он всегда был внимателен к критическим советам Страхова и не мог не обратить внимания на анализ снов в рецензии критика на «Преступление и наказание» (тем более, что писал рассказ по его просьбе специально для «Зари»). В первом (и еще более во втором) сне Вельчанинова связь с реальными событиями максимально завуалирована: «Дело шло об каком-то преступлении, которое он будто бы совершил и утаил и в котором обвиняли его в один голос непрерывно входившие к нему откудова-то люди» (Вечный муж. С. 14). «Станный», «когда-то близкий и знакомый» и уже умерший человек, которого отчаянно избивает во сне

герой, достаточно сложно соотносится в тексте рассказа как с образом покойной Натальи Васильевны, так и с образом Трусоцкого (а во втором сне эта связь отрицается вовсе). Конечно, Достоевский художественно обыгрывает грань сна и яви. Так, будят героя прозвучавшие «звонкие три удара в колокольчик», которые ударили «с такой силой, как будто его хотели сорвать с дверей» (Вечный муж. С. 15). Колокольчик предвещает явление «вечного мужа», но оказывается тоже сном. Тем не менее повествователем грань между сном и действительностью очерчена достаточно определенно.

Второй сон, предвещающий нападение Трусоцкого с бритвой на Вельчанинова, является усложненным повтором первого сна: «Видения все были знакомые; комната его была будто бы вся наполнена людьми, а дверь в сени стояла отпертою; люди входили толпами и теснились на лестнице». Опять в центре оказывается «один человек — точь-в-точь как тогда, в приснившемся ему с месяц назад таком же сне. Как и тогда, этот человек сидел, облокотясь на стол, и не хотел говорить; но теперь он был в круглой шляпе с крепом». Герой пытается решить загадку сна: «Как? Неужели это был и тогда Павел Павлович?» — подумал Вельчанинов, — но, заглянув в лицо молчавшего человека, он убедился, что этот кто-то совсем другой. “Зачем же у него креп?” — недоумевал Вельчанинов» (Вечный муж. С. 94). Достоевский намеренно разрушает логическую связь сна и действительности. Для него важна реалистичность в изображении психических переживаний человека. Сон как литературный прием не должен входить в противоречие с эмпирической практикой переживания снов.

Во втором сне, как и в первом, повествователь объективирует переживание героем сна, подробно описывая колебания героя от констатации сна «бредом» до уверенности в реальности происходящего: «В комнате все закричали: “Несут, несут!”, все глаза засверкали и устремились на Вельчанинова; все, грозя и торжествуя, указывали ему на лестницу». Герой сам перестает различать сон и действительность, но повествователь стоит на твердом основании реальности и констатирует все фазы переживания героем сна: «Уже несколько не сомневаясь более в том, что все это не бред, а правда, он стал на цыпочки, чтобы разглядеть поскорее через головы людей, — что они такое несут?» И опять во сне удары колокольчика заставляют Вельчанинова проснуться: «...и вдруг — точь-в-точь как тогда, в том сне — раздались три сильнейшие удара в колокольчик. И опять-таки это был до того ясный, до того действительный до осознания звон, что уж конечно такой звон не мог прийтись только во сне!.. Он закричал и проснулся» (Вечный муж. С. 95).

Сюжет покушения Трусоцкого на Вельчанинова, назревающий на протяжении всего рассказа, является дальнейшей разработкой писателем психологического состояния человека, совершающего преступления (в «Идиоте» эта тема разрабатывалась в связи с сюжетными линиями Рогожина и Мышкина, Рогожина и Настасьи Филипповны). Покушение Трусоцкого предсказано и мотивировано в рассказе. И все же оно совершается неожиданно, после эпизода, когда Трусоцкий спасает Вельчанинова от острой боли в печени, прикладывая ему раскаленные тарелки. Вопрос о природе воли человека и его поступках, этой воле подвластных, Достоевский решает в поэтике рассказа неоднозначно. Страхов писал, что воля «не есть источник или производящая причина наших действий; круг наших действий дан нам помимо нашей воли: он зависит от свойств и сил нашей души и тела, и ника-

кая воля не может расширить и изменить его». Но все-таки Страхов не отрицает свободу выбора и свободу волеизъявления, т. к. «воле дано избирать между этими данными действиями или воздерживаться от них». И хотя он пишет о том, что «по-русски воля и свобода — синонимы, и “несвободная воля” есть “*contradictio in adjecto*”²³», тем не менее в его концепции свобода (как власть человека над своими поступками) получается ограниченной (Об основных понятиях. С. 81).

В сцене покушения Достоевский изображает именно «*contradictio in adjecto*» Страхова²⁴. Кровь льется из левой руки Вельчанинова после схватки с Трусоцким²⁵. В главе «Анализ» герой пытается понять Павла Павловича. Осмысление пережитого ему необходимо на пути осознания самого себя и истории, с ним случившейся. Он рассматривает бритву и приходит к «странному» заключению. Герой останавливается на утверждении очевидного противоречия: «Он решил вопрос странно, — тем, что “Павел Павлович хотел его убить, но что мысль об убийстве ни разу не впадала будущему убийце на ум”. Короче: “Павел Павлович хотел убить, но не знал, что хочет убить». По Достоевскому душа человека в своей сущности иррациональна, ее жизнь нельзя объяснить в категориях рациональной логики. Так и поступок Трусоцкого невозможно объяснить путем логического анализа: «Это бессмысленно, но это так... Не места искать и не для Багаутова он приехал сюда... Он для меня сюда поехал и приехал с Лизой...» (Вечный муж. С. 98)

Страхов высоко оценил «Вечного мужа». 14 февраля 1870 г. он писал: «Помоему, это одна из самых обработанных Ваших вещей, а по теме — одна из интереснейших и глубочайших, какие только Вы писали, я говорю о характере Трусоцкого; большинство едва ли поймет, но читают и будут читать с жадностью» (Шестидесятые годы. С. 265). Критик оказался прав. Вопрос о понимании души Достоевским и раскрытии «психологических механизмов» душевных процессов в поэтике повести оказался трудным для понимания как современниками, так и читателями, а потом и исследователями произведений последующих эпох. Контекст работ Страхова и материалов журнала «Заря» помогает обозначить вектор прочтения рассказа в соответствии с авторской модальностью творческой лаборатории Достоевского конца 1860-х гг. Страхов неслучайно отметил в письме именно образ Трусоцкого. Достоевский в рассказе создал национальный тип «вечного мужа». И создал его не столько «в борьбе» с впечатлениями от западноевропейских типов (как писал об этом в рецензии на «Войну и мир» Страхов), сколько в духе пушкинского «Рыцаря бедного» и великих традиций русской литературы. Национальный характер

²³ «Противоречие в определении» (лат.).

²⁴ Вопрос о соотношении концепций свободы у Страхова и Достоевского в силу большого объема материала требует отдельного рассмотрения.

²⁵ В рецензии на «Психологические этюды» Сеченова Страхов писал о субъективном характере ощущения и приводил пример как раз с раной руки: «Всякое физическое явление существует не для одного зрителя, а для всех; но мое ощущение существует только для меня и ни для кого другого не может существовать. Если на моей руке рана, то ее физические свойства и перемены всякий может видеть точно так же хорошо, как и я вижу; но боль этой раны знаю я один» [Страхов 1906: 463]. А у Достоевского рана принесла облегчение Вельчанинову: «Чувство необычайной, огромной радости овладело им; что-то кончилось, развязалось; какая-то ужасная тоска отошла и рассеялась совсем. Так ему казалось. Пять недель продолжалась она. Он поднимал руку, смотрел на смоченное кровью полотенце и бормотал про себя: “Нет, уж теперь совершенно все кончилось!” И во все это утро, в первый раз в эти три недели, он почти не подумал о Лизе, — как будто эта кровь, из порезанных пальцев, могла “поквитать” его даже с этой тоской» (Вечный муж. С. 97).

типа прочитывается в рассказе на разных уровнях: это и аллюзии на «Станционного зрителя», и мотив почти религиозного поклонения и служения женской красоте, и комбинация подпольных черт героев с психологией двойничества. Вместе с тем Достоевский неоднозначно относился к типам как неким завершенным образцам. В 1860-е гг. он формулировал задачу литературы как «восстановление погибшего человека». И этой духовной, в сущности, задаче подчинял все средства своего художественного трудничества.

Источники

- Библиотека — *Библиотека Ф. М. Достоевского: Опыт реконструкции. Научное описание.* СПб.: Наука, 2005. 338с.
- Воспоминания — Страхов Н. Н. Воспоминания о Федоре Михайловиче Достоевском. В кн.: *Ф. М. Достоевский в воспоминаниях современников.* В 2 т. Т. 1. М.: Художественная литература, 1990. С. 375–532.
- Достоевский 1986 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений.* В 30 т. Т. 29, кн. 1. Л.: Наука, 1986. 575с.
- Достоевский 2020 — Достоевский Ф. М. *Полное собрание сочинений и писем.* В 35 т. 2-е изд., испр. и доп. Т. 9. СПб.: Наука, 2020. 1062 с.
- Заря — *Заря.* Журнал учено-литературный и политический. 1869, (3); 1869 (12).
- Переписка — *Переписка Л. Н. Толстого с Н. Н. Страховым.* СПб.: Тип. Б. М. Вольфа, 1913. 458с.
- Страхов 1886 — Страхов Н. Н. *Об основных понятиях психологии и физиологии.* СПб.: Тип. бр. Пантелеевых, 1886. 317 с.
- Страхов 1906 — Страхов Н. Н. *Философские очерки.* Киев: И. П. Матченко, 1906. XI + 488 с.
- Страхов 2000 — Страхов Н. Н. *Литературная критика.* СПб.: Рус. христиан. гуманитар. ин-т, 2000. 464 с.
- Шестидесятые годы — *Шестидесятые годы. Материалы по истории литературы и общественному движению.* Пиксанов Н. К., Цехновицер О. В. (ред.). М.; Л.: Акад. наук СССР, 1940.

Литература

- Бем 1938 — Бем А. Л. *Достоевский: Психоаналитические этюды.* Берлин: Петрополис, 1938. С. 54–76.
- Долинин 1989 — Долинин А. С. *Достоевский и другие.* А. Долинин (сост.). Л.: Художественная литература, 1989. 480 с.
- Капустина 2015 — Капустина И. О. Сотрудничество Ф. М. Достоевского с журналом В. В. Кашпирева «Заря». *Вестник Московского университета.* Сер. 10. Журналистика. 2015, (5): 51–65.
- Петровский 1928 — Петровский М. С. Композиция «Вечного мужа». В сб. В кн.: *Труды Государственной Академии художественных наук.* Вып. 3. Достоевский. М.: [б. и.], 1928. С. 115–161.
- Пращерук 2007 — Пращерук Н. В. «Вечный муж» и «Бедная Лиза»: о двух произведениях вечной классики. *Уральский филологический вестник.* Екатеринбург, 2007, (2): 207–218.
- Сухих 2002 — Сухих И. Н. *Война из-за «Войны и мира»: Роман Л. Н. Толстого «Война и мир» в русской критике и литературоведении.* СПб.: Азбука-классика, 2002. 480 с.
- Фатеев 2020 — Фатеев В. А. А было ли «почвенничество»? Полемиические заметки. *Словесность и история.* 2020, (3): 32–62.
- Фатеев 2021 — Фатеев В. А. Н. Н. Страхов: *Личность. Творчество. Эпоха.* СПб.: Пушкинский дом, 2021. 652 с.
- Щенникова 2008 — Щенникова Л. П. «Вечный муж». В кн. *Достоевский: сочинения, письма, документы. Словарь-справочник.* Г. К. Щенников, Б. Н. Тихомиров (ред.). СПб.: Пушкинский дом, 2008. 470 с.

Статья поступила в редакцию 14 марта 2021 г.

Статья рекомендована в печать 14 мая 2021 г.

N. N. Strakhov, the journal *Zarya* and F. M. Dostoevsky's works at the end of the 1860s

For citation: Toichkina A. V. N. N. Strakhov, the journal *Zarya* and F. M. Dostoevsky's works at the end of the 1860s. *Vestnik of Saint Petersburg University. Language and Literature*. 2021, 18 (3): 479–497. <https://doi.org/10.21638/spbu09.2021.304> (In Russian)

The article examines the significance of Nikolai Strakhov and the journal *Zarya* for Fyodor Dostoevsky's works at the end of the 1860s, in particular, for the poetics of the story *The Eternal Husband*. Strakhov's well-known review of Tolstoy's novel *War and Peace* and the range of his writings on problems of psychology is analyzed in the article. The context of Strakhov's works allow us to investigate the specifics of the mechanism for creating the image of an "eternal husband" in the writer's story (the problem of the "predatory" and "meek" types) and consider the features of Dostoevsky's psychological realism through the prism of Strakhov's scientific developments, which have not yet been updated in Dostoevsky studies. Analysis of the poetics of dreams and the problem of will in the context of Strakhov's objectively idealistic approach allows us to interpret them in accordance with the author's modality of Dostoevsky's creative laboratory. The study revealed the multidimensional character of the "eternal husband" type realized by Dostoevsky in the image of the Trusotsky type, which includes the typological features of the cuckold, the underground man and the dreamer. The conducted research makes it possible, at the present stage, to fill in the gaps that exist in the source study base of Dostoevsky studies.

Keywords: Strakhov, Dostoevsky, *Eternal Husband*, *Zarya*, psychology.

References

- Бем 1938 — Bem A. L. *Dostoevsky: Psychoanalytic studies*. Berlin: Petropolis Publ., 1938. P. 54–76. (In Russian)
- Долинин 1989 — Dolinin A. S. *Dostoevsky and others*. A. Dolinina (comp.) Leningrad: Khudozhestvennaia literatura Publ., 1989. 480 p. (In Russian)
- Капустина 2015 — Kapustina I. O. Dostoevsky's collaboration with the V. V. Kashpnev's magazine "Zarya". *Vestnik Moskovskogo universiteta. Ser. 10. Zhurnalistska*. 2015, (5): 51–65. (In Russian)
- Петровский 1928 — Petrovskii M. S. Composition of "Eternal husband". In: *Trudy Gosudarstvennoi Akademii khudozhestvennykh nauk*. Vol. 3. Dostoevskii. Moscow: [No publisher], 1928. P. 115–161. (In Russian)
- Пращерук 2007 — Prasheruk N. V. "Eternal husband" and "Poor Liza": about two pieces of eternal classics. *Uralskii filologicheskii vestnik*. 2007, (2): 207–218. (In Russian)
- Сухих 2002 — Sukhikh I. N. *War over "War and Peace": L. N. Tolstoy's novel "War and Peace" in Russian criticism and literary criticism*. St. Petersburg: Azbuka-klassika Publ., 2002. 480 p. (In Russian)
- Фатеев 2020 — Fateev V. A. But was there "pochvennichestvo"? Polemical notes. In: *Slovesnost' i istoriia*. 2020, (3): 32–62. (In Russian)
- Фатеев 2021 — Fateev V. A. N. N. *Strakhov: Personality. Creativity. Epoch*. St. Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2021. 652 p. (In Russian)
- Щенникова 2008 — Shchennikova L. P. The "Eternal husband". In: *Dostoevskii: sochineniia, pis'ma, dokumenty. Slovar'-spravochnik*. G. K. Shchennikov, B. N. Tikhomirov (eds.) St. Petersburg: Pushkinskii dom Publ., 2008. 470 p. (In Russian)

Received: March 14, 2021

Accepted: May 14, 2021